

Господа Обмановы

Оригинал здесь: [Факультет журналистики ТГУ](#).

Когда Алексей Алексеевич Обманов, честь честью отпетый и помянутый, успокоился в фамильной часовенке при родовой своей церкви в селе Большие Головотяпы, Обмановка тож, впечатления и толки в уезде были пестры и бесконечны. Обесхозяилось самое крупное имение в губернии, остался без предводителя дворянства огромный уезд.

На похоронах рыдали:

-- Этакого благодетеля нам уже не нажить.

И в то же время все без исключения чувствовали:

-- Фу, пожалуй теперь и полегче станет.

Но чувствовали очень про себя, не решаясь и конфузясь высказать свои мысли вслух. Ибо -- хотя Алексея Алексеевича втайне почти все не любили, но и почти все конфузились, что его не любят, и удивлялись, что не любят.

-- Прекраснейший человек, а вот поди же ты... Не лежит сердце!

-- Какой хозяин!

-- Образцовый семьянин!

-- Чады и домочадцы воспитал в страхе божием!

-- Дворянство наше только при нем и свет увидало! Высоко знамя держал-с!

-- Дас-с, не то что у других, которые! Повсюду теперь язвы-то эти пошли: купец-каналья, да мужикофилы, да оскудение.

-- А у нас без язвов-с.

-- Как у Христа за пазухой.

Словом, казалось бы, все причины для общественного восторга соединились в лице покойника, и все ему от всего сердца отдавали справедливость, и однако, когда могильная земля забарабанила о крышку его фоба, -- на многих лицах явилось странное выражение, которое можно было толковать двусмысленно -- и как:

-- На кого мы, горемычные, остались.

И:

-- Не встанет. Отлегло.

Двусмысленного выражения не остались чуждыми даже лица ближайших семейных покойного. Даже супруга его, благодетельствованная им, ибо, взятая за красоту из гувернанток, Марина Филипповна, когда перестала валяться по кладбищу во вдовьих обмороках и заливаться слезами, положила последние кресты и последний поклон перед могилою с тем же загадочным взглядом:

-- Кончено. Теперь совсем другое пойдет.

Сын Алексея Алексеевича, новый и единственный владелец и вотчинник Больших Головотяпов, Никандр Алексеевич Обманов, в просторечии Ника-милуша, был смущен более всех.

Это был маленький, миловидный, застенчивый молодой человек с робкими, красивыми движениями, с глазами то яснодоверчивыми, то грустно обиженными, как у серны в зверинце.

Перед отцом он благоговел и во всю жизнь свою ни разу не сказал ему: нет. Попросился он, кончая военную гимназию, в университет, -- родитель посмотрел на него холодными, тяжелыми глазами навкате:

-- Зачем? Крамол набираться? Никандр Алексеевич сказал:

-- Как вам угодно будет, папенька.

И так как папеньке было угодно пустить его по военной службе, то не только безропотно, но даже как бы с удовольствием проходил несколько лет в офицерских погонах. В полку им нахвалиться не могли, в обществе прозвали Никою-милушею и прославили образцом порядочности; все сулило ему блестящую карьеру. Но как скоро Алексей Алексеевич стал стареть, он приказал сыну выйти в отставку и ехать в деревню. Сын отвечал:

-- Как вам угодно будет, папенька.

И только Марина Филипповна осмелилась было заикнуться перед своим непреклонным повелителем:

-- Но ведь он может быть в тридцать пять лет генерал! На что и получила суровый ответ:

-- Прежде всего, матушка, он дворянин и должен быть дворянином. А дворянское первое дело -- на земле сидеть-с! Да-с! Хозяином быть-с! И когда я помру, желаю, чтобы сию священную традицию мог он принять от меня со знанием и честью.